

Гончаровъ какъ цензоръ.

Къ освѣщенію цензорской дѣятельности И. А. Гончарова.

Какъ извѣстно, И. А. Гончаровъ служилъ въ цензурномъ вѣдомствѣ въ теченіе восьми лѣтъ слишкомъ, сначала членомъ С.-Петербургскаго цензурнаго Комитета (отъ 19-го февраля 1856 г. до 1-го февраля 1860 г.), потомъ, послѣ непродолжительнаго редактированія *Сѣверной Почты*, членомъ Совѣта по дѣламъ книгопечатанія (отъ 21-го іюля 1863 г. до 30-го августа 1865 г.) и наконецъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати (отъ 30-го августа 1865 г. до 29-го декабря 1867 г.). Отъ этой послѣдней должности онъ былъ уволенъ, согласно своему прошенію, по разстроенному здоровью. Таковы краткія фактическія данныя, заключающіяся въ формулярномъ спискѣ И. А. Гончарова относительно его службы въ цензурѣ.

Какую роль, однако, игралъ въ цензурномъ дѣлѣ этотъ глубокій знатокъ русской души, остроумный, не лишенный нѣкотораго скептицизма мыслитель, изящный писатель-художникъ, какимъ является Гончаровъ въ незабвенныхъ романахъ *Обыкновенная Исторія* и *Обломовъ*? Это несомнѣнно любопытный вопросъ, для разрѣшенія котораго имѣются до сихъ поръ лишь разбросанныя и весьма скудныя свѣдѣнія.

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* ¹⁾ напечатанъ цѣлый рядъ отзывовъ Гончарова, принадлежавшихъ собранію покойнаго П. Я. Дашкова и представляющихъ копіи съ подлинныхъ рапортовъ,

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“, томъ СССV, октябрь 1906, стр. 571—619.

находящихся въ архивѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Отъ этихъ интересныхъ документовъ, относящихся къ 1865 году, получается общее впечатлѣніе, что Гончаровъ, по словамъ самого издателя, „былъ цензоръ просвѣщенный, гуманный, всегда старавшійся найти способы мягкаго воздѣйствія на авторовъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ“ ¹⁾. Такое же впечатлѣніе производятъ и нѣкоторыя указанія Никитенки въ его дневникѣ ²⁾ и извѣстныя намъ отрывки переписки Писемскаго съ Гончаровымъ въ семидесятыхъ годахъ ³⁾.

Нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упомянуть, хотя и съ осторожностью, объ устныхъ свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ изъ современниковъ, хорошо знавшихъ Гончарова во время его цензорской дѣятельности. По словамъ этихъ послѣднихъ, Гончаровъ представляется намъ добродушнымъ цензоромъ, всегда готовымъ къ услугамъ для своихъ собратьевъ по оружію беллетристовъ, но въ то же время и „большимъ политикомъ“, остерегавшимся отъ мало-мальски затруднительныхъ дѣлъ, постоянно сваливавшимъ на Совѣтъ эти послѣднія, да и всякую мелочь, за которую ему не хотѣлось отвѣчать, однимъ словомъ, умѣющимъ, какъ никто, *ménager la chèvre et le chou*....

Кстати припоминается и рассказъ князя Мещерскаго, въ его *Воспоминаніяхъ* ⁴⁾, о томъ, какъ, въ 1866 году, когда всемогущему министру Валуеву удалось выставить *Московскія Вѣдомости* неблагонамѣренною газетою и добиться у Государя позволенія на запрещеніе ея, всѣ члены Совѣта по дѣламъ печати, созванные „съ цѣлью санкціонировать легальными путями рѣшеніе правительства“, смолчали и „преклонились предъ волею предсѣдателя-министра“ ⁵⁾, за исключеніемъ одного Ѳ. И. Тютчева, который объявилъ, что онъ ни съ требованіемъ министра, ни съ рѣшеніемъ Совѣта согласиться не можетъ, затѣмъ всталъ и вышелъ изъ засѣданія, потряхивая своею бѣловолосою головою; Гончаровъ всталъ такъ же и, подойдя къ нему, пожалъ ему съ волненіемъ руку и сказалъ: „Федоръ Ивановичъ, преклоняюсь предъ вашею благородною рѣшимостью и исполнѣ вамъ сочувствую, но для меня служба — насущный хлѣбъ старика“ ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 573.

²⁾ См., напримѣръ, записки Никитенки за 18 января 1858 г. и за 26 февраля 1859 г. *Дневникъ*, Спб., 1905, томъ I, стр. 506 и 552.

³⁾ „Новь“, 1888, т. XX, 7, стр. 137—144.

⁴⁾ „Гражданинъ“, 1897, № 5, стр. 9 и 10.

⁵⁾ См. тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

Приводимые здѣсь документы, не имѣющіе другой цѣли какъ дополнить вышеозначенныя немногочисленныя данныя, могутъ, по хронологическому порядку, раздѣлиться такъ:

1) дѣло „о предоставленіи барону Розену должности цензора въ С.-Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ“ (1859), на которое намъ весьма любезно указалъ К. А. Военскій, за что выражаемъ ему искреннюю благодарность;

2) дѣло объ увольненіи И. А. Гончарова въ 1860 году;

3) четыре отзыва члена Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати И. А. Гончарова: о драмѣ *Мѣстничество*, графа В. А. Соллогуба; — о драмѣ *Утро Хрептюгина*, Салтыкова-Щедрина; — объ одной статьѣ газеты *Современный Листокъ*; — объ одной статьѣ газеты *Недѣля* (1867) ¹⁾.

1) Дѣло „о предоставленіи барону Розену должности цензора въ С.-Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ“.

Нынѣ забытый авторъ либретто извѣстной оперы Глинки „*Жизнь за Царя*“, баронъ Егоръ Ѳеодоровичъ Розенъ, родился въ Ревелѣ въ 1800 г. и воспитывался въ Эстляндской губерніи. Онъ прослужилъ въ гусарскомъ полку отъ 1819 г. до 1834 г., вступивши, по его словамъ, „въ тайную любовную связь съ поэзіею и съ гусарскою жизнью“ ²⁾. Двадцатилѣтнимъ офицеромъ онъ могъ „довольно успѣшно обучать гусаръ въ манежѣ“, но не хватало его знанія русскаго языка для того, чтобы прочесть Озерова „въ угоду прелестной дѣвушкѣ“. Однако, будучи совершенно отлученъ отъ нѣмецкаго духа и отъ нѣмецкой жизни въ такомъ возрастѣ, когда сердце стремится въ даль, въ образованный міръ, онъ „долженъ былъ довольствоваться русскою національностью“.

„Первыя мои любовныя изліянія, пишетъ онъ, должны были выражаться на русскомъ языкѣ. Часто приходилось мнѣ съ гусарами стоять въ степной деревнѣ, въ ста верстахъ отъ полкового штаба, идилически принимать участіе въ играхъ деревенской молодежи, слушать старинныя сказки отъ краснобаевъ, веселыя и унылыя

¹⁾ Эти документы находятся въ архивахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Главнаго Управленія по дѣламъ печати и С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета. Письмо И. А. Гончарова такъ же какъ и его отзывы написаны собственной рукой.

²⁾ Настоящая характеристика барона Е. Ѳ. Розена—съ его же пера. Въ ней отражается, какъ нельзя павнѣе и вѣрнѣе, личность обрусѣвшаго германскаго офицера-романтика. См. *Очеркъ фамиліи исторіи бароновъ фонъ Розенъ*, составленный бар. Андр. Евг. Розеномъ, СПб., 1876, стр. 77—80 (автобіографія переведена съ нѣмецкаго изданія *Die Tochter Joann's III. St. Petersburg, 1841*).

пѣсни парней и дѣвушекъ, однимъ словомъ—участвовать во всѣхъ отношеніяхъ народной жизни, и я непримѣтнымъ образомъ всею душою обжился съ духомъ національнымъ... Черезъ семь лѣтъ ученія послалъ я первые мои опыты на русскомъ языкѣ Н. А. Полевому, для напечатанія въ журналѣ *Московскій Телеграфъ*. Миѣ уже не было нужно переводить мои мысли съ нѣмецкаго языка, я прямо мыслилъ на русскомъ, когда писалъ мои драмы: „*Россія и Баторій*“, „*Осада Пскова*“, „*Басмановъ*“...

Вышедши по болѣзни въ отставку, онъ былъ назначенъ въ 1835 г. секретаремъ къ Государю Цесаревичу, но, такъ какъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, онъ долженъ былъ скоро оставить эту должность, его переименовали въ надворные совѣтники. „*Жизнь за Царя*“ появилась на сценѣ петербургской оперы въ 1836 году; его романъ „*Сидонскій*“, его „*Путешествія за границую*“, его лирическія стихотворенія были напечатаны въ концѣ сороковыхъ годовъ въ журналѣ *Сынъ Отечества*. „Послѣдніе годы своей жизни“, пишетъ баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, онъ провелъ „на Петербургской сторонѣ въ болѣзни, въ уединеніи и забвеніи“;—хотя, можно прибавить, и не въ такомъ уединеніи и забвеніи, чтобъ чуть-чуть было не попасть въ цензоры; да И. А. Гончаровъ испортилъ все дѣло.

Въ концѣ мая 1859 г., товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія Н. А. Мухановъ получилъ отъ Министра Двора графа Адлерберга извѣщеніе о томъ, что баронъ Егоръ Розенъ проситъ „о предоставленіи ему должности цензора С.-Петербургскаго цензурнаго Комитета, изъявляя готовность нести обязанности сего званія, до открытія вакансіи, безъ содержанія“. Его Величество Высочайше поручилъ Министру Двора снестись съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, не признаетъ ли онъ возможнымъ опредѣлить барона Розена, въ случаѣ открытія вакансіи, въ должность цензора означеннаго цензурнаго Комитета, а до того времени допустить его къ исполненію обязанностей цензора.

На это отношеніе отъ 29 мая 1859 года было отвѣчено Н. А. Мухановымъ, 5 іюня 1859 года, что, за неимѣніемъ вакантнаго цензорскаго мѣста, Министръ Народнаго Просвѣщенія не признаетъ за собою права назначать сверхштатныхъ цензоровъ; но что, въ ожиданіи вакансіи, баронъ Е. Ѳ. Розенъ можетъ, если онъ подастъ прошеніе, причислиться къ министерству.

Согласно этому послѣднему указанію, баронъ Е. Ѳ. Розенъ подалъ прошеніе 5 августа 1859 года, вслѣдствіе котораго приказомъ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 3 сентября 1859 года „изъ

отставныхъ“ причислялся къ министерству „надворный совѣтникъ баронъ Розень“.

Вслѣдъ за этимъ, желая поддержать свою кандидатуру и внѣ придворной сферы, баронъ Е. Ѳ. Розень началъ дѣлать визиты и писать письма разнымъ примыкающимъ къ цензурѣ лицамъ, между прочимъ и И. А. Гончарову. Такимъ образомъ этому послѣднему, послѣ того какъ онъ откровенно отвѣтилъ, что баронъ Розень не первый стоитъ въ спискѣ кандидатовъ и слѣдовательно, по справедливости, не можетъ быть назначенъ прежде другихъ, пришлось получить отъ разочарованнаго кандидата слѣдующее письмо:

Милостивый Государь
Иванъ Александровичъ!

Благодарю Васъ за откровенность, съ которою Вы мнѣ высказали, что я не имѣю ни малѣйшей надежды на получение цензорской должности, не взирая на то, что на *условіи*: ¹⁾ занять *первую* ¹⁾ сего рода вакансію, по Высочайшему ходатайству, я, послѣ 19-лѣтней отставки, вступилъ въ службу и этимъ былъ введенъ въ значительныя издержки.

Позвольте мнѣ отвѣтствовать Вамъ съ тою же откровенностью. По словамъ Князя Одоевскаго, я могъ предугадать содержаніе Вашего письма. О Высочайшемъ ходатайствѣ у Васъ нѣтъ и рѣчи! Оно, повидимому, *не принимается* ¹⁾ въ уваженіе!!! ²⁾ Господи! это что-то похоже на *республику* ¹⁾! Вѣроятно, Вы скоро запоете: *Allons, enfants de la Patrie!* Я приведенъ этимъ въ ужасъ. По чувствамъ *моимъ* ¹⁾ и всякаго вѣрнопопданнаго, ходатайство Государево должно быть *свято* ¹⁾—ибо оно есть евфемисмъ, вмѣсто *повелѣнія* ¹⁾—и ставить меня *первымъ* ¹⁾ кандидатомъ въ цензорскую ваканцію. Если бы было иначе, то не слѣдовало бы пригласить меня въ службу, а отозваться графу Адлербергу, для доклада Его Величеству, какія есть тому препятствія. Теперь же я оказываюсь жертвою обмана, оттого что я имѣлъ полную вѣру въ святую значительность Высочайшаго ходатайства, въ слова графа Адлерберга, относительно смысла бумаги Тайнаго Совѣтника Муханова, доложенной Государю, и въ причисленіе меня къ Министерству на такомъ условіи.

Мнѣ остается предстать предъ Его Величествомъ съ жалобою на неуваженіе къ ходатайству Его и на предосудительное введеніе меня въ обманъ!

Вы, милостивый Государь, *не* ¹⁾ участвовали въ этомъ горькомъ

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

²⁾ Три восклицательные знака въ подлинникѣ.

тельное время уѣхать за границу, или куда укажутъ медики, и вслѣдствіе сего просить объ увольненіи его отъ службы.

„Не находя съ своей стороны никакого къ сему препятствія, я имѣю честь о просьбѣ г. Гончарова представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства. Съ тѣмъ вмѣстѣ я позволяю себѣ объяснить, что для С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета потеря г. Гончарова, какъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и полезнѣйшихъ его дѣятелей будетъ, конечно, въ высшей степени ощутительна; онъ соединялъ въ себѣ рѣдкое умѣніе соглашать требованія правительства съ современными требованіями общества и, принося этимъ неоцѣненнымъ въ цензорѣ качествомъ пользу литературѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ избавлялъ и самое Министерство Народнаго Просвѣщенія отъ пререканій и непріятностей, столь часто встрѣчающихся по дѣламъ цензурнымъ....“

Предсѣдатель:

Деяновъ.

3) Отзывы члена Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати И. А. Гончарова.

Эти отзывы показываютъ Гончарова въ роли, такъ сказать, апелляціоннаго судьи, склоняющаго, въ большинствѣ случаевъ, къ смягченію мѣръ, предложенныхъ прежними судьями: онъ отмѣчаетъ явныя преувеличенія и чрезмѣрную щепетильность этихъ послѣднихъ, и самъ высказываетъ, съ умѣреннымъ и вялымъ тономъ официальнаго рецензента, свое личное противоположное мнѣніе. Какъ бы это ни казалось парадоксальнымъ, но и въ такихъ бумагахъ, отъ которыхъ вѣтъ какой-то канцелярской скукой, возможно отыскать отраженіе умственной и нравственной личности Гончарова: въ нихъ проявляются критическій оборотъ ума, тонкое литературное чутье, скромный либерализмъ, дипломатическая осторожность, и надъ всѣмъ этимъ господствующая привязанность къ службѣ или, шире говоря, къ *традиціи*. Замѣчательно характерна, въ этомъ отношеніи, слѣдующая фраза одного изъ этихъ отзывовъ: „Все это, вѣдетъ онъ объ осужденномъ имъ спорѣ отца съ сыномъ въ драмѣ гр. Соллогуба *Мѣстничество*, все это совершенно справедливо и разумно, но сцена русскаго театра до сихъ поръ не выдерживаетъ постановки такихъ щекотливыхъ вопросовъ“.

Мѣстничество, драма въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе графа Соллогуба.

Г. цензоръ драматическихъ сочиненій подробно изложилъ въ докладѣ своемъ, въ прошедшее засѣданіе Совѣта, содержаніе драмы графа Соллогуба, которая, какъ видно изъ справки по дѣламъ

прежней театральной цензуры, была запрещена этою послѣднею къ представленію по причинѣ введенной въ піесу широкой картины своеволія и буйства стрѣльцовъ, принимающихъ на себя роль мстителей за нанесенное ихъ товарищу оскорбленіе отъ боярѣ.

Г. Кейзеръ фонъ Нилькгеймъ полагаетъ однако, что съ смягченіемъ или исключеніемъ сценъ буйства стрѣльцовъ, драма могла бы быть допущена къ представленію.

По разсмотрѣніи піесы, впрочемъ давно мнѣ извѣстной въ печати, я съ своей стороны нахожу:

1) Что картины буйства и своеволія стрѣльцовъ не составляютъ въ пьесѣ отдѣльнаго эпизода, который бы по произволу могъ быть выпущенъ, на что, можетъ быть, не согласился бы и авторъ, но составляютъ органическую, неотъемлемую часть драмы, безъ которой она не была бы драмою. Оскорбленные боярскимъ сыномъ стрѣльцы въ лицѣ своего товарища, дышатъ мщеніемъ и злобою противъ всего класса боярѣ, и хотя авторъ влагаетъ въ уста нѣкоторыхъ изъ нихъ выраженія уваженія къ царю и къ его власти, однако въ то же время стрѣльцы буйно врываются въ судилище или приказъ, чтобы силою освободить оттуда своего товарища; они составляютъ въ пьесѣ какъ бы отдѣльную отъ государства и правительства силу, предоставляютъ себѣ право казнить или миловать боярѣ, составляютъ заговоры, жгутъ города, грабятъ и разбойничаютъ, такъ что не мѣстничество собственно, не интрига любви сына Мстиславскаго и дочери стрѣльца, а стрѣлецкое своеволіе составляетъ почти главную, бросающуюся въ глаза зрителю картину. Все остальное является въ пьесѣ блѣдно, выключая перваго акта, гдѣ составляетъ очень удачный эффектъ появленіе князя Ромодановскаго, выданнаго головою, по Царскому Приказу, боярину Мстиславскому.

2) Кромѣ приводимаго г.г. и прежнимъ и нынѣшнимъ цензорами затрудненія къ постановкѣ драмы на сцену, т. е. бунта стрѣльцовъ, въ пьесѣ есть и нѣкоторыя другія второстепенныя сомнѣнія, которыхъ однако, судя по той осторожности, съ какою и нынѣ дѣйствующая цензура разрѣшаетъ пьесы къ представленію, не могутъ не быть приняты въ соображеніе вмѣстѣ съ главнымъ вышесказаннымъ препятствіемъ, хотя, будучи отдѣльно взяты, они не составили бы капитальнаго затрудненія и могли бы быть легко устранены. Это именно горячій протестъ молодого Мстиславскаго противъ злоупотребленій родительской власти, въ сценѣ съ отцомъ, отъ котораго онъ настойчиво требуетъ свободы, укоряя его въ стѣсненіяхъ, жестокости и вообще въ деспотизмѣ. Все это совершенно справедливо и разумно, но сцена русскаго театра до сихъ поръ не выдерживаетъ постановки такихъ щекотливыхъ вопросовъ.

Къ числу такихъ же вопросовъ можно также отнести и самую мораль, на которую невольно наводитъ зрителя *смыслъ* мѣстничества, безобразіе боярскихъ споровъ, вызвавшее уничтоженіе разрядныхъ книгъ: все это очень наглядно даетъ понимать, какая рѣзкая черта отдѣляетъ преимущество породы отъ преимущества личныхъ заслугъ, на что у автора мѣстами есть намеки, которые впрочемъ могли бы быть устранены. Такимъ вопросамъ цензура неохотно даетъ проникать и въ печать, а еще менѣе на сцену.

Высокій художественный талантъ счумѣлъ бы оправдать и такіе щекотливые и смѣлые вопросы, отыскавъ въ нихъ и безпристрастно освѣтивъ блескомъ творчества непобѣдимую силу разума и истины, которую не могла бы не уважить и цензура, но къ сожалѣнію, пьеса графа Соллогуба не выкупаетъ никакимъ художественнымъ достоинствомъ тѣхъ показанныхъ выше уклоненій отъ цензуры, которыя были бы незамѣтны въ высокоправдивомъ творческомъ произведеніи.

Во всей драмѣ господствуетъ историческая невѣрность и художественная неправда. Молодой Мстиславскій и Ольга похожи на героевъ новѣйшей мелодрамы: и они и всѣ прочія лица говорятъ риторическія фразы, весь ходъ фальшивъ, сцены отличаются многословіемъ и нестройностью, и едва только сцены Мстиславскаго съ Ромодановскимъ въ первомъ актѣ напоминаютъ, что авторъ не лишенъ дарованія.

Доставленный мнѣ экземпляръ драмы носитъ слѣды многихъ поправокъ и исключеній, такъ что я не могъ видѣть *опредѣлительно*, что предполагено исключить: можно конечно согласиться съ г. Кейзеръ ф. Нилькгеймомъ, что если исключить, по его предположенію, сцены буйства и своеволя стрѣльцовъ, и кромѣ того смягчить вышеупомянутую сцену протеста противъ родительской власти, наконецъ выпустить кое-какіе намеки на преимущества породы параллельно съ значеніемъ личныхъ заслугъ, то драма могла бы быть допущена на сцену. Но при такихъ капитальныхъ измѣненіяхъ драма явилась бы другою пьесою, и если авторъ самъ пожелаетъ представить ее въ этомъ новомъ видѣ, тогда, по моему мнѣнію, и можетъ быть дано цензурное разрѣшеніе. Въ противномъ же случаѣ, т. е., если пьеса останется въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, лишь съ нѣкоторыми легкими измѣненіями, то я не нахожу достаточныхъ побужденій къ отмѣнѣ запрещенія ея прежней театральной цензурой.

28 января 1867 г.

Членъ совѣта И. Гончаровъ ¹⁾

¹⁾ Драма *Мѣстничество* была напечатана въ Петербургѣ въ 1849 году. Она, судя по книгѣ А. И. Вольфа (*Хроника Петербургскихъ театровъ*, ч. III, Спб. 1884 г.), не была поставлена на сценѣ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ.

Утро Хрептюгина, драматическій очеркъ въ одномъ дѣйстви, сочиненіе Щедрина.

Хрептюгинъ, богачъ изъ простаго званія, грубый и необразованный, соритъ деньгами, которыя выманиваютъ у него подъ видомъ пожертвованій на благотворительныя цѣли. Онъ угощаетъ изъ чванства важныхъ лицъ, въ надеждѣ получить чинъ надворнаго совѣтника, но его обманываютъ.

Это не совсѣмъ удачная карриатура глупаго тщеславія: лица не довольно типичны, дѣйствіе вяло, разговоры и сцены изобилуютъ избитыми общими мѣстами. Это одно изъ раннихъ и слабыхъ произведеній даровитаго автора *Губернскихъ очерковъ*.

Пьеса запрещена прежнею театральною ценсурой, безъ обозначенія причины. Причины, по моему мнѣнію, нѣтъ никакой. Дѣйствіе ведется скромно и прилично: можетъ быть бывшій цензоръ не счелъ умѣстнымъ домогательство Хрептюгина получить чинъ надворнаго совѣтника за пожертвованія, но тутъ не обнаружено никакого неуваженія къ рангамъ, ни насмѣшки надъ ними. Авторъ осмѣиваетъ только глупое тщеславіе богача, котораго обманули тѣмъ, что хотѣли представить къ чину, выманивали у него деньги и не представили. Онъ былъ введенъ въ грубый обманъ какимъ-то мелкимъ чиновникомъ, столоначальникомъ, который, вмѣсто хлопотъ по его дѣлу, истратилъ деньги на другой предметъ. О чинѣ упоминается слегка, вскользь.

Словомъ пьеса никакого неблагопріятнаго впечатлѣнія на зрителей произвести не можетъ, и я полагаю, что за исключеніемъ сдѣланныхъ г. цензоромъ Фридвергомъ выпусковъ нѣсколькихъ выраженій, очеркъ г. Щедрина можетъ быть безъ всякаго затрудненія допущенъ на сцену.

Членъ Совѣта И. Гончаровъ ¹⁾.

9 февраля 1867 г.

Редакція газеты *Современный Листокъ*, представляя въ Главное Управленіе по дѣламъ печати корректурный листъ передовой статьи, назначаемый для означенной газеты, проситъ отмѣнить запрещеніе, наложенное на эту статью г. цензоромъ Сватковскимъ.

Мнѣ не извѣстны причины, по которымъ г. цензоръ нашелъ эту статью неудобною для печати, а также и заключеніе по этому предмету Цензурнаго Комитета.

Имѣя въ рукахъ только просьбу г. Поповицкаго и самую статью,

¹⁾ Драма въ одномъ дѣйстви *Утро Хрептюгина* появилась на сценѣ въ томъ же 1867 году. Она, насколько можно судить по тогдашнимъ газетамъ, не имѣла успѣха.

я, по просмотрѣннѣ послѣдней, не нахожу съ своей стороны повода къ недопущенію ея въ печать.

Въ ней прилично и довольно умѣренно, хотя и настойчиво, выражается желаніе, чтобы восточные христіане, воспользовавшись настоящимъ возстаніемъ Кандіа, освободились отъ мусульманскаго ига, чтобы европейскія державы не только не препятствовали этому, какъ Франція, но всячески способствовали изгнанію Турокъ изъ Европы, что, по мнѣнію выраженному въ статьѣ, должно объединить всѣ христіанскія общества въ Европѣ принципами христіанской цивилизаціи и братства народовъ.

Затѣмъ статья ссылается на воззваніе митрополита Филарета къ христіанской благотворительности на пользу пострадавшихъ единовѣрцевъ.

Вотъ и вся мысль коротенькой статьи, проводимая въ настоящее время во всѣхъ органахъ журнальной прессы, и при томъ съ большею горячностью къ дѣлу Кандійскаго возстанія.

Если г. цензоръ имѣлъ въ виду то обстоятельство, что „Современный Листокъ“ издается подъ цензурнымъ наблюденіемъ, и потому явное сочувствіе редакціи съ разрѣшенія правительства къ дѣлу угнетенныхъ на Востокѣ христіанъ можетъ быть замѣчено и истолковано неблагопріятно иностранною прессою въ международномъ смыслѣ, то противъ этого можно возразить, что эта газета посвящена собственно интересамъ православной церкви и, слѣдовательно, ей болѣе, нежели другимъ журналамъ, можетъ быть предоставлено право голоса по вопросу о восточныхъ христіанахъ. При томъ газета имѣетъ скромный кругъ читателей, преимущественно въ русскомъ духовенствѣ, и едва ли мнѣніе ея можетъ имѣть вѣсъ, и даже просто быть замѣчено, тѣмъ болѣе, что оно выражено вскользь и въ такой статьѣ, которая похожа на краткую замѣтку.

Все, что можетъ слишкомъ осторожный цензоръ выпустить изъ этой замѣтки—это намекъ въ первыхъ строкахъ на сочувствіе къ освобожденію восточныхъ христіанъ *такихъ органовъ гласности*, по словамъ статьи, *которые имѣютъ у насъ соприкосновеніе съ официальными сферами* ¹⁾).

Но и эти слова едва ли обратятъ на себя чье-либо вниманіе: такъ они маловажны, особенно послѣ открытыхъ заявленій въ пользу восточныхъ христіанъ въ официальныхъ органахъ, на которые указано въ прошеніи г. Поповицкаго.

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, я полагаю бы возмож-

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

нымъ пропустить статью въ печать, если только Ценсурный Комитетъ не имѣетъ какихъ-либо особенныхъ поводовъ къ ея запрещенію.

Членъ Совѣта И. Гончаровъ ¹⁾.

3 февраля 1867 г.

Представленіе С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета отъ 17 февраля 1867 г., за № 173, о № 7-мъ газеты *Недѣля*.

Цензурный Комитетъ заявляетъ Главному Управленію по дѣламъ печати, на основаніи конфиденціальныхъ инструкцій г. Министра, что въ 7-мъ № газеты *Недѣля* употреблены неприличныя и оскорбительныя выраженія, обращенныя къ лицу императора французовъ, а именно про тронную рѣчь Наполеона III-го сказано, что „она не могла представиться иначе, какъ самымъ безсовѣстнымъ фанфаронствомъ императора французовъ, не побоявшагося передъ лицомъ всего свѣта прибѣгнуть ко лжи или къ клеветѣ, чтобы только выставить себя въ лучшемъ свѣтѣ предъ своимъ недовольнымъ народомъ!“ (стр. 109 Политич. Обзор. Недѣля, № 7).

Негодование автора, выразившееся въ такой неприличной выходкѣ, вызвано тѣмъ мѣстомъ тронной рѣчи, въ которой Наполеонъ III объявляетъ о согласіи Россіи слѣдовать по восточному вопросу политикѣ Франціи, слѣдовательно, авторъ побужденъ былъ высказаться съ рѣзко патріотическимъ гнѣвомъ противъ императора, кинувшаго въ рѣчи своей неблагопріятный и невѣрный свѣтъ на политику Россіи. Но тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что авторъ зашелъ въ порицаніи словъ императора французовъ до такой степени рѣзкости, которая не можетъ быть терпима въ печати даже относительно частныхъ лицъ.

Весьма легко можетъ быть, что этотъ отзывъ будетъ замѣченъ французскимъ посольствомъ, и что по поводу безцѣльной и рѣзкой выходки сотрудника не важной газеты *Недѣля*, на русскую прессу падетъ упрекъ въ нарушеніи международныхъ приличій.

Къ этому я долженъ присовокупить, что въ той же газетѣ, въ томъ же 7-мъ номерѣ, строго, хотя и не въ столь рѣзкихъ выраженіяхъ, осуждается тоже тронная рѣчь императора французовъ, а въ № 6 съ глумленіемъ и сильной ироніей разобрана подробно

¹⁾ Вышеозначенная статья была напечатана, нѣсколько дней спустя послѣ отзыва И. А. Гончарова, подъ заглавіемъ *Восточныя дѣла* (Ср. *Современный Листокъ*, 1867, № 13, отъ 15 февраля 1867 г.). Статья, по всей вѣроятности, осталась нетронутой, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ осужденную фразу: „будучи уполномочены къ тому заявленіями такихъ органовъ гласности, которые имѣютъ у насъ соприкосновеніе съ официальными сферами“.

тронная рѣчь королевы Викторіи. Все это помѣщено въ передовыхъ статьяхъ.

Сверхъ того, въ № 8, въ статьѣ *Новое разрѣшеніе восточнаго и славянскаго вопросовъ*, на стр. 116, приводятся изъ заграничной брошюры Каспровича, слишкомъ откровенно нелѣпыя предположенія и отзывы польскаго публициста о нашихъ государственныхъ и литературныхъ дѣятеляхъ, а именно о г.г. Милютинѣ, Костомаровѣ, Іозефовичѣ, о которыхъ впрочемъ авторъ старается опровергнуть мнѣніе Каспровича.

Газета *Недѣля* отличается благонамѣренностью и патриотизмомъ и, по моему мнѣнію, этими случайно-рѣзкими выходками не заслуживаетъ строгой карательной мѣры, но однако же вышеозначенныя выходки, могущія вызвать неблагопріятныя послѣдствія не только для редакціи газеты, но навлечь упрекъ и на администрацію печати за слабость надзора, не должны быть оставлены безъ вниманія.

По этому я полагаю бы нужнымъ просить г. предсѣдателя С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета сдѣлать редактору газеты *Недѣля* внушеніе быть осторожнѣе и воздержнѣе въ сужденіяхъ своихъ вообще, а о вѣнценосныхъ лицахъ въ особенности.

Членъ Совѣта И. Гончаровъ ¹⁾.

21 февраля, 1867 г.

А. А. Мазонъ.

¹⁾ Ср. *Недѣля*, 12 февраля 1867 г.